

ЖЕНЩИНА И РАЗНООБРАЗИЕ

Книга об искусстве соблазнения женщин — сегодня?.. Да, именно сегодня, посреди всемирной футуристической катастрофы, в разгар очистительной войны, освобождающей, обновляющей и преумножающей, я чувствую необходимость рассказать вам о том, как соблазняют женщин.

Война придает женщине особый колорит и раскрывает ее истинную ценность. Появись эта книга до или после войны, она была бы анахронизмом.

Я с удовольствием вам это продемонстрирую.

Женщины спешно прыгают в окопы, готовые защищаться от моих неминуемых атак. Они убеждены, что в этой книге не может быть ничего, кроме оскорблений, осуждения и яростной критики нежного пола. Мое исследование основано на длительном и кропотливом изучении вопроса, и я даже испытываю что-то вроде эро-

тического возбуждения, сжимая в пальцах перо, призванное явить миру эту книгу. То есть на самом-то деле моя рука не сжимает никакого пера, однако я начал диктовать эту книгу моему дорогому и славному другу Бруно Корра*, который, будучи, несмотря на свою молодость, экспертом в данной опасной области, улыбается. Я диктую уверенным, твердым голосом, меряя комнату энергичными шагами, а между тем дым от бесчисленных сигарет закручивается спиралями воспоминаний в такт позвякиванию моих артиллерийских шпор. В этой гостинице, в ожидании отправки на фронт, в поезде, среди солдатских шинелей, пропитавшихся едким запахом окопов, в суতোлке, толкотне и неразберихе я продолжаю диктовать эту книгу, грубо и второпях сжимая прекраснейшее, упругое тело женщины, в котором слились сотни женщин — память о них каждый уносит с собой на войну. Каждый... само собой, итальянец, исполненный мужества, свободный от любых немецких предрассудков, враг библиотек, кровно связанный с неисчерпаемым

* Бруно Корра — псевдоним Бруно Джинанни Коррадини (1892–1976), итальянского писателя и сценариста. (Здесь и далее примеч. перев.)

источником чувственности под названием Средиземное море. Наверняка этой безрассудной книге суждено быть разорванной в клочья руками каких-нибудь уродин, однако ее, несомненно, бережно раскроют нежные ручки красивых женщин.

Более или менее красивых. Я имею в виду загадочный животный магнетизм, а не совершенную красоту, лишаящую женщину всякого очарования. Стремление к красоте значит гораздо больше, чем любое физическое совершенство. В моем пространном эротическом исследовании я всегда отдавал предпочтение искушенной плоти, постоянно движимой неусыпным и скрытым желанием наслаждения. Женщины, проповедующие так называемую естественную красоту, бесконечно смешны, скучны и не знают толка в наслаждениях. Это особое свойство — искушенность плоти — нельзя приобрести, и нельзя обучиться ему. Это нечто вроде бессознательного инстинкта, которым обладают все звери. Особая томность во взгляде, волнующие обертоны голоса, бархатистая плавность движений, манера усаживаться в кресло или устраиваться среди подушек, а также постоянное стремление исправить свой главный и самый опасный физический недостаток. У каждой женщи-

ны имеется хотя бы один. Я слышу, как юная двадцатилетняя женщина с густыми волосами и маленькой округлой грудью с негодованием заявляет, что у нее «нет недостатков». Ваш недостаток, отвечаю я ей, — само ваше совершенство; вы должны постараться заставить мужчину забыть о том совершенно антисексуальном и антиэротическом восхищении, которое вызывает совершенство ваших форм, чтобы вскоре не наскучить ему. В двадцать, в тридцать и в сорок лет мужчина, созерцающий совершенную женскую красоту, не может не испытывать музейной скуки. Вот плод личных наблюдений: не существует общих законов в этом отношении. Каждая женщина — особый случай или, лучше сказать, существует множество особых и разнообразнейших случаев, точно так же, как жизнь предлагает нам множество историй любви. Женщину творит любимый мужчина и обстановка любовного свидания. Нет ничего более изменчивого и менее предсказуемого. Скажем, женщина отдается возлюбленному в Милане, робко, сдержанно, стыдливо и неуверенно; а в Риме она отдалась бы тому же самому мужчине открыто, грубо и щедро, всеми своими чувствами и плотью, пылко. Я не хочу тем самым превозносить эротические

качества Рима, а только говорю о городе в целом. Впрочем, это убедительное свидетельство может быть опровергнуто сотней противоположных примеров.

Одной парижанкой с Фобур-Сент-Оноре*, хотя и не страдавшей маниакальной брезгливостью, но согласившейся бы, скорее, покончить с собой, чем лечь в несвежую постель, я овладевал более чем в пятидесяти грязных и зловонных постелях, более чем в полусотне самых вонючих гостиниц Латинского квартала**. Это вовсе не панегирик моим чарам соблазнителя. Я просто констатирую, что эта женщина могла жить двумя совершенно разными жизнями, а может быть, ей удавалось в любовном соитии полностью отвлекаться от окружающей обстановки. *Отнюдь не все мужчины умеют поддержать в женщине эту способность.* В действительности

* Фобур-Сент-Оноре — улица в VIII округе Парижа, известная главным образом тем, что на ней располагаются государственные учреждения, антикварные магазины, художественные галереи. Это улица, на которой находятся Елисейский дворец, резиденция президента Франции (дом 55), министерство внутренних дел и много модных магазинов высшего уровня.

** Латинский квартал — традиционный студенческий квартал в V и VI округах Парижа на левом берегу Сены, вокруг Сорбонны.

мужчин можно разделить всего на два вида: это те, кто инстинктивно чувствуют женщину, магнетически воздействуют на нее, с легкостью овладевают и понимают ее, а также те, кто ее недостаточно чувствуют, неспособны воздействовать на женщину и почти никогда ее не понимают. Более половины итальянцев обладают даром соблазнять женщин и понимают прекрасный пол. В Испании и Франции эта способность гораздо менее развита. Что касается России и Англии, то там она почти не встречается. Энергия соблазнения неизмеримо возрастает на солнце, а туман и алкоголь издавна были ее заклятыми врагами. Мужчина, разжигающий в себе любовный пыл посредством алкоголя, этого искусственного солнца, согревающего серые камни северных городов, создает себе ложное представление о женской чувственности. Уверенность в том, что женщина способна хранить верность, могла созреть только в холодной и бесцветной атмосфере. Эта уверенность тает в жарких лучах сицилийского солнца. Поскольку на Востоке женская неверность считается роковой неизбежностью, то там всемогущий мужчина учредил институт евнухов. На севере женщина эмансипировалась, прежде всего, потому, что мужчи-

на был твердо убежден в ее постоянстве и духовной крепости, а кроме того, потому, что он мало ценил ее тело и игнорировал ее характер, инстинктивную, природную, атмосферную, барометрическую сущность женщины. В одном из самых интеллектуальных московских салонов мне довелось неожиданно познакомиться с двумя восхитительными женщинами, появившимися в сопровождении своих бестелесных, бледных и subtilных мужей, чьи глаза трусливо бегали за стеклами лорнетов, руки были бессильны, а голоса напоминали испуганное грохотом бомбежки козлиное блеяние. Оказалось, что это были два поэта-декадента. Меня сразу же представили красивейшей из двух элегантных полуобнаженных жен, не понимавших ни единого слова ни по-французски, ни по-итальянски. В то время как хозяин дома переводил мне рассеянную болтовню красавицы, пустившейся в рассуждения о литературных достоинствах одного из русских поэтов и о чудесах Италии, ее искушеннейшее тело вступило в оживленный разговор с моим телом. Это был выразительный и искренний диалог. Ее муж, с рыжеватой бородкой и лорнетом, тоскливо и надоедливо затянул блеющим голосом свои стихи, напоминавшие до-

кучливые причитания нищего или, скорее, стенания старого педераста, покинутого другом на пороге дома свиданий. Наконец назойливое насекомое умолкло. Атмосфера, влажная и жаркая, как в тропическом лесу, накалилась. Нежнейшая женская плоть слегка колыхалась на упругих пружинах, едва прикрытая податливой тканью и овеваемая неторопливыми взмахами веера. Духи и драгоценности с рю де ля Пэ* усиливали густые ароматы и оттеняли нараставшее звучание женских голосов. Раскаты моего грозного голоса заставляли вспомнить о бомбардировке Адрианополя**, а жесты и шаги напоминали победную поступь конкистадора. Это был грандиозный физиологический успех, полнейшее слияние с обеими красавицами. Я уселся между женами двух поэтов, трепетавшими, как листочки при дуновении ветра. Учитывая незнание мною русского языка, кресла, картины, женщины,

* Рю де ля Пэ — модная торговая улица в центре Парижа, она тянется от Вандомской площади до Оперы Гарнье.

** Бомбардировка Адрианополя — осада османского города Адрианополя (Одрина) во время Первой Балканской войны войсками Балканского союза с 21 октября (3 ноября) 1912 г. по 13 (26) марта 1913 г.

мужчины, бархат, драгоценности и шелка казались мне минеральным, растительным и животным царствами. В соседнем зале был накрыт стол. Звон хрусталя смешивался со звуками откупориваемых пробок, голосами, шипящей пеной и взрывами женского смеха. Издалека доносились грозные раскаты фортепианных пассажей. Два впавших в экстаз поэта, сидевших передо мной, так и сыпали наперебой мадригалами в мою честь, они тут же записывали их карандашами в записных книжках своих жен. Мои локти уже касались красавиц, сидевших справа и слева. Те чутко отвечали на мои прикосновения. Хозяин дома, охваченный желанием довести до возможного совершенства свой суперафриканский интерьер, развлекался, попеременно выключая и вновь включая свет, что, по его представлениям, должно было означать всполохи молний. Каждый раз, как комната погружалась во мрак, я попеременно прижимался губами к устам то одной, то другой женщины, каждый раз обнимая их все крепче и крепче. Прямо передо мной один из мужей тщетно пытался выудить карандашом из глубины своего пропитанного алкоголем нутра очередную идиотскую рифму. Другой уже закончил свой мадригал